

Глава 27. Прибытие в префектуру

Путь от уезда Чжан до префектуры Сянпин на обычной повозке занимал три дня и две ночи. Префектура Сянпин располагалась южнее, ближе к побережью залива Бохай, поэтому лето здесь наступало раньше, а весенняя пахота и сев начинались в иные сроки, нежели в уезде Чжан.

Цю Хуанянь всю дорогу не отрывался от окна, любуясь пейзажами. Чем ближе они подбирались к Сянпину, тем выше колосились злаки на полях. После переселения юноша поймал себя на том, что уже неосознанно высматривает состояние почвы и посевов, словно заправский земледелец.

Хоть казенный тракт и был широк, оставался он всего лишь грунтовой дорогой, а значит, тряски было не миновать. Перед тем как тронуться в путь, Хуанянь до блеска вымыл нутро повозки, сложил в два слоя стеганые одеяла на полу и, разувшись, устроился на них. Обложившись мягкими подушками и валиками, он сумел уберечь поясницу от ноющей боли.

Маршрут был заранее расписан извозчиком так, чтобы не терять ни минуты. Повозка выезжала еще затемно и катилась до глубокой ночи, делая остановки лишь в назначенных местах для краткого отдыха и смены лошадей. В итоге им приходилось проводить в пути по пятнадцать-шестнадцать часов кряду.

Цю Хуанянь предусмотрительно заготовил в дорогу вяленый тофу, гаолянги и пресные лепешки с начинкой — те продукты, что можно было есть холодными и которые долго не портились.

От скуки в тесном пространстве повозки Хуанянь то и дело принимался поддразнивать Ду Юньсэ, вовлекая его в беседу. Юньсэ же неизменно сохранял свое невозмутимое спокойствие: он отвечал ровно на то, о чем его спрашивали, оставаясь безупречно вежливым.

Порой Хуанянь незаметно для себя проваливался в сон, а просыпаясь, обнаруживал, что лежит в повозке, положив голову на бедро Ду Юньсэ. Ученый при этом одной рукой придерживал книгу, а другую бережно устроил у виска спутника, оберегая его от возможных ударов о стенки при сильной тряске.

Когда это повторилось несколько раз, Хуанянь перестал церемониться. Почувствовав сонливость, он просто хлопал Ду Юньсэ по колену, устраивался поудобнее и засыпал, втайне ликуя.

«Шутка ли — получить в свое распоряжение «коленную подушку» такого красавца!»

Юньсэ, отложив книгу, опускал занавеску, погружая повозку в уютный полумрак. Склонив голову, он долго смотрел на изящное лицо Цю Хуаняня, и уголки его губ едва заметно приподнимались в нежной улыбке.

Во время ночевки, опасаясь незнакомых мест, они решили, что кто-то один должен оставаться при багаже. Юньсэ настоял на том, чтобы Хуанянь шел спать на постоянный двор, а сам, наскоро умывшись, ложился в повозке. Все попытки юноши предложить дежурство по очереди ученый пресекал мягко, но решительно.

Так миновало три дня, и на закате третьего их повозка наконец въехала в префектуру Сянпин.

— Впереди Гунъюань, экзаменационный комплекс. Дальше я не поеду, — объявил извозчик. — На той стороне улицы полно свободных экипажей, доберетесь куда нужно. А если не знаете адреса, поспрашивайте зазывал, тут их в достатке, выберете по душе.

Зная, что Ду Юньсэ прибыл на экзамены, извозчик доставил их в самое удобное место.

Выйдя из повозки, Хуанянь и Ду Юньсэ с наслаждением размяли затекшие конечности и выгрузили свои узлы и тюки.

Не успели они оглянуться в поисках нового экипажа, как к ним подскочил смышленный паренек лет пятнадцати:

— Почтенные господа не из уезда ли Чжан прибыли? Господин Цю и туншэн Ду?

Цю Хуанянь и Юньсэ переглянулись.

— А ты кто будешь? — спросил Хуанянь.

— Я слуга из «Шуи лоу», кличут меня Шу У. Хозяйка моя еще третьего дня получила письмо от Хуан Даняня из уезда Чжан и велела мне поджидать вас здесь.

«Шуи лоу» — та самая гостиница, о которой сказывала Хуан Данянь. Хуанянь не ожидал, что та специально отправит письмо подруге, и на сердце у него стало теплее. Иметь дело с такими прямыми и щедрыми людьми — одно удовольствие.

Шу У тем временем ловко подхватил их вещи:

— Наша гостиница тут за углом, идемте, там и поговорим.

Раз уж малый знал имена хозяйки и Хуан Даняня, Хуанянь перестал сомневаться в нем, но всё же любопытствовал:

— Портретов наших в письме быть не могло. Как же ты нас признал?

Шу У усмехнулся:

— Данянь в письме писала: господин Цю — гээр красоты необычайной, а туншэн Ду — ученый стати великой. Я-то, признаться, гадал, какова она, эта «великая статья», но как только увидел вас, сразу понял: в письме ни единого слова не приврали.

Хуан Данянь не видела Ду Юньсэ, зато его видела её сестра. Слыша такие лестные сравнения, Хуанянь смущенно кашлянул, чувствуя, как краснеют уши.

Пройдя пару сотен шагов, они увидели вывеску «Шуи лоу». Это было двухэтажное здание, выходящее фасадом на улицу: первый этаж занимала общая зала ресторации, второй — гостевые покои. За домом тянулся просторный двор, по трем сторонам которого располагались одноэтажные флигели, поделенные на уютные комнатки.

Судя по отделке и размаху, это была одна из лучших гостиниц Сянпина.

У самого порога их встретила статная женщина в наряде из дорогого шелка. На вид ей было за сорок, лицо носило следы былых тревог, но она сохранила стройность и благородное изящество.

— Господа приехали! — радостно воскликнула она, стоило Шу У окликнуть её. — Путь был долгим, вы верно притомились. Данянь мне в письме всё растолковала. Мы с ней названные сестры, почитай, из одной чаши пили. Раз вы ей подсобили, значит, и мне, Чжэн Июань, услужили.

— На время экзаменов ни о чем не беспокойтесь, — продолжала она. — Коли станете церемониться, я сочту это за обиду. Шу У, живо неси вещи в задние покои, да шевелись!

Прием был столь радушным, что отказываться было неловко. Вскоре стол был накрыт, и к ним присоединился хозяин заведения — Шу Хуацай.

— Когда-то мы с женой начинали здесь с пустыми руками, — рассказывал он за обедом. — И только благодаря поддержке Данянь сумели подняться и выстроить всё это. Потом она уехала к сестре и долгие годы не навещалась в префектуру.

— Услышав, что в этом году она приедет на «Байвэй ши», мы обрадовались несказанно. А кабы не твой красный тофу, Хуа-гээр, она бы из-за упрямства своего и носа не казала.

После нескольких чарок легкого вина беседа стала совсем непринужденной.

Хозяева «Шуи лоу» жили рядом с экзаменационным комплексом и первыми узнавали все новости о предстоящих испытаниях. Шу Хуацай принялся вводить их в курс дела:

— Экзамен Юаньши пройдет в два тура, между ними — день отдыха. Списки вывешат через три дня после окончания. Те, чьи имена окажутся на доске, вечером приглашаются на пир «Байвэй ши». Это вам, верно, уже ведомо.

— Но есть и иное, — понизил он голос. — Работы в этом году будет проверять сюэчжэн, назначенный лично государем. Поговаривают, в нашей провинции Ляочжоу сменился чиновник по делам образования. Юаньши в Сянпине — его первый экзамен на новом месте. Никто не знает ни его вкусов, ни строгости, так что перемен может быть немало.

Ду Юньсэ оживился:

— Не ведомо ли вам имя этого господина и откуда он родом?

Шу Хуацай на миг задумался:

— Сказывают, из самой столицы прибыл. Зовут Фэн Минцзюнь. Более ничего не слыхивал.

Юньсэ молча кивнул. Цю Хуанянь заметил, что ученый о чем-то глубоко задумался, и решил расспросить его позже, когда они останутся одни.

— Господин Шу, а много ли народу нынче на экзамен прибыло? — спросил Хуанянь.

Чтобы попасть на Юаньши, туншэны должны были объединяться в группы для взаимного поручительства и искать покровительства среди линьшэнов. Ду Юньсэ все эти хлопоты помог уладить судья Ван, и с другими учениками он знаться не стремился.

— Со всей префектуры Сянпин три сотни с лишним туншэнов набралось, — ответил Шу Хуацай.
— Поменьше, чем в былые годы.

Указом свыше было заведено, что в сюцаи проходят от пяти до десяти процентов участников. Меньше людей — меньше и заветных мест.

Заметив тень на лицах гостей, хозяин поспешил их подбодрить:

— Юньсэ в такие годы уже дерзает на сюцай идти — это само по себе подвиг. Коли не выйдет в этот раз, через два года снова испытаете удачу.

Хуанянь за Ду Юньсэ не беспокоился. Если верить судье Вану, тот мог стать сюцаем еще в десять лет, не увези его великий наставник Вэнь в странствия.

Наблюдая за тем, как Юньсэ готовится к экзаменам, Хуанянь порой заглядывал в его книги, но

тут же чувствовал, как голова идет кругом от мудрости древних. Он лишь еще больше проникался уважением к таланту своего суженого.

Сам Хуанянь рассудил здраво: будь он вынужден, он бы, пожалуй, одолел эту науку, опираясь на опыт современного образования. Но он родился гээр, которому путь к чинам заказан. Да и зачем добровольно обрекать себя на муки зубрежки?

«С меня хватило выпускных и вступительных испытаний в прошлой жизни. Один «гаокао» и один экзамен в магистратуру — этого вполне достаточно на одну жизнь! Пусть эти заоблачные вершины штурмует одаренный Ду Юньсэ, а я буду обеспечивать его всем необходимым в тылу»

Когда трапеза подходила к концу, Чжэн Июань переглянулась с мужем:

— Хуа-гээр, до экзамена еще дней десять. Гостиница наша хороша, да шумно здесь больно — для подготовки Юньсэ не самое лучшее место.

— У нас есть свой дом в двух кварталах отсюда. Там и Гунъюань под боком, и тишина идеальная. Перебирайтесь-ка вы туда, так всем спокойнее будет.

Супруги обсуждали это еще до приезда гостей, но решили сперва присмотреться к ним. Увидев, что Хуанянь прост и приветлив, а Юньсэ благороден и скромн, они окончательно утвердились в своем решении.

Цю Хуанянь не стал отказываться от лучшего жилья, но твердо настоял на оплате. Зная, что тот выручил деньги за тофу, Чжэн Июань не стала спорить.

Усадьба Шу располагалась в переулке Тяньшуй. Это был классический двухдворный ансамбль, к которому с востока примыкал небольшой обособленный дворик. Он не выходил на шумную улицу, имел свой сад и три комнаты, соединенные в одну большую залу. В углу была отдельная калитка, ведущая напрямиком в переулок.

— Живите здесь спокойно, — сказала хозяйка, вручая ключ. — Захотите выйти — калитка под рукой, десять шагов — и вы на большой улице.

Этот флигель, хоть и был невелик, по сути являлся отдельным домом. Эти условия нельзя было и сравнить с тем закутком, что сняла семья Чжао за три лиана.

Хуанянь прикинул стоимость и вручил хозяйке два лиана серебра за постой. Чжэн Июань долго отнекивалась, твердя, что это слишком много, и в итоге вернула ему пять мао.

— Кухни в этом флигеле нет, — добавила она. — Самим готовить не придется. Шу У будет приносить вам еду из нашей гостиницы, всё уже включено в оплату.

Хозяйка распорядилась принести постельные принадлежности и, не желая мешать их обустройству, удалилась.

Хуанянь и Ду Юньсэ принялись разбирать вещи. Зала во флигеле была просторной — не меньше школьного класса. С восточной стороны располагался широкий подогреваемый кан, примыкающий к трем стенам. У западного окна стоял письменный стол с изящными принадлежностями, стены украшали свитки, а пространство было зонировано шкафами и полками. Посреди комнаты стоял стол и два кресла, покрытых черным лаком, а над ними висела картина с пышными пионами.

Так жили зажиточные горожане Сянпина — не столь изысканно, как почтенный Сун, но куда богаче и утонченнее, чем в доме Вэй Дэсина.

Цю Хуанянь нашел в шкафах новые одеяла, но они показались ему жестковатыми после долгого хранения. Он решил застелить их снизу, а сверху положить те, что они привезли из дома. Проверяя мягкость постели, он вдруг замер, осознав очевидное.

Во флигеле была лишь одна комната. И один кан. А значит...

Хуанянь застыл. Юньсэ, словно почувствовав его неловкость, тихо промолвил:

— Мы еще не связаны узами брака, и спать вместе было бы нарушением приличий. Я устроюсь на кушетке у окна.

Он уже потянулся за одеялом, но Хуанянь поспешно остановил его. Кушетка та была узкой и короткой — взрослому мужчине на ней и не повернуться.

— погоди ты, — Хуанянь смущенно кашлянул, едва не добавив: «Это ведь всё равно случится», но вовремя спохватился. Нужно было соблюдать приличия, ведь они еще даже не открыли друг другу сердца по-настоящему.

Раньше он опасался за свою «безопасность» и твердо решил спать отдельно. Но узнав Юньсэ поближе, понял, что страхи те были напрасными. Ду Юньсэ был благородным мужем до мозга костей — настолько, что Хуанянь порой сомневался, ведомы ли ему вообще мирские порывы.

Цю Хуанянь был уверен: даже если он сейчас повалит Юньсэ на постель, тот лишь покраснеет до кончиков ушей и бережно укутает его в одеяло. Безопасность была гарантирована, но такая чрезмерная праведность порой даже досаждала.

Юноша стиснул зубы. Будучи человеком современным, чья голова порой наполнилась дерзкими мыслями, перед этим «святым» ученым он мог лишь смиренно читать про себя мантры. Не хотелось пугать его своим напором.

Стараясь не смотреть на Юньсэ, Хуанянь уставился на пламя свечи и прошептал:

— Кан большой. Места хватит обоим. Ты ляжешь с одного края, я — с другого, посередине пусто будет. Не велика беда.

Юньсэ посмотрел на влажные губы Хуаняня, подсвеченные пламенем свечи. Он едва заметно вздохнул, и взгляд его на мгновение потемнел.

— Хорошо, — кратко ответил он.

Усталость после долгой дороги брала свое. Они решили разобрать остальные вещи утром и, наскоро умывшись, легли спать.

Хуанянь задул свечу и забрался под одеяло. Тень у окна замерла — Юньсэ и впрямь улегся на самом краю, едва не прижавшись к стене. Хуаняню стало даже немного обидно. Словно он был каким-то коварным искусителем, а Ду Юньсэ — непоколебимым монахом!

Ему не хотелось засыпать в такой неловкости, и он решил сменить тему:

— За ужином госпожа Чжэн поминала нового сюэчжэна. Ты знаком с ним?

— Господин Фэн стал таньхуаланом шестого года Юаньхуа, — донесся голос из темноты. — Долгие годы он служил в академии Ханьлинь, после сам просился на должность великого цензора-секретаря. Он человек прямолинейный, ненавидит несправедливость и скор на расправу. В столице у него немало врагов.

— У моего учителя были с ним хорошие отношения, когда они служили вместе. После отставки учителя они виделись реже. Я встречал господина Фэна в столице пару раз, но мы не беседовали.

Цю Хуанянь усмехнулся:

— От академика до великого цензора-секретаря, а теперь — в управляющие образованием... Путь господина Фэна и впрямь необычен.

«В переводе на современные понятия, это было похоже на то, как если бы ученый сперва занимался высокими науками в академии наук, затем перешел в надзорные органы, а после вдруг стал главой департамента образования целой провинции»

Юньсэ отозвался согласием. Возможно, именно на это и рассчитывал государь. Как бы то ни было, теперь Юньсэ должен был идти вперед шаг за шагом — ради Хуаняня, ради детей и ради того, чтобы оправдать надежды учителя.

Хуанянь еще что-то пробормотал, но голос его затих. Тело победило дух, и он провалился в глубокий, безмятежный сон.

Спустя время Юньсэ приподнялся и при свете луны немного передвинул свое одеяло ближе к Хуаняню.

Тот что-то пробормотал во сне. Юньсэ долго смотрел на своего маленького муженька в серебристом сиянии ночи, после чего вздохнул и снова отодвинулся на почтительное расстояние. Хуа-гээр был еще слишком юн и застенчив — нельзя было пугать его своей поспешностью.

***

Цю Хуанянь проснулся, когда солнце уже вовсю сияло. Шу У принес завтрак, и только тогда Ду Юньсэ разбудил своего спутника.

В коробке для еды оказалась каша из красных бобов с иовлевыми слезами, целая корзинка пышных баоцзы с начинкой из свинины и водяного ореха, а также четыре закуски: жареный арахис, маринованная редька, салат из зелени и тофу с молодым луком.

— Похоже, это лучший завтрак в «Шуи лоу», — довольно заметил Хуанянь после трапезы. — Если нас так будут кормить полмесяца, наши полтора лиана едва покроют расходы на еду.

Юньсэ принялся убирать посуду:

— Хозяева здесь люди радушные. Предлагать им еще денег сейчас — значит проявить неучтивость.

— Я понимаю. Запомним это как долг чести. Придет время — оплатим.

Хуанянь знал, что Шу Хуацай и Чжэн Июань помогают им не ради выгоды, а по велению души. В таких отношениях деньги порой лишь мешают, лучше отвечать взаимностью в будущем.

Пока Юньсэ раскладывал свои книги и свитки, Хуанянь занялся хозяйством. Припасы, что они взяли в дорогу, почти кончились. Помимо самого необходимого, он привез с собой девять маленьких баночек красного тофу — если блюдо Хуан Данянь прославится, это поможет ему найти новых покупателей.

На каждой баночке красовалась этикетка. Хуанянь сам вырезал штамп из дерева: по краям — изящные стручки фасоли и перца, внизу — аппетитные кубики тофу, а в центре каллиграфическая надпись Ду Юньсэ: «Красный ферментированный тофу «Цю цзи»».

В последующие дни Юньсэ не выходил из комнаты, полностью погрузившись в учебу. Хуанянь же несколько раз выбирался в город. Боясь заблудиться, он не заходил далеко, но успел закупить плетеных шпилек, ярких лент и деревянных мечей для детей — нельзя было возвращаться из префектуры без гостинцев.

В один из дней Хуанянь в новом наряде цвета спелой вишни стоял у лавки, рассматривая необычное пресс-папье из древесного корня. Он хотел выбрать что-то особенное для стола Юньсэ, как вдруг позади послышался шум.

Обернувшись, он увидел группу из восьми молодых людей в одинаковых белых одеждах с накидками цвета озерной воды. Они уверенно шагали по улице, привлекая всеобщее внимание.

— Кто это такие? — спросил Хуанянь у лавочника.

Тот улыбнулся:

— Видать, вы не местный. Это ученики академии Цинфэн — лучшей в нашей провинции. У них сегодня выходной, вот туншэны и спустились в город, чтобы присмотреться к дороге до Гуньюаня.

— И всё это — туншэны? — вполголоса удивился Хуанянь.

— Насчет всех не скажу, но тот юноша с цветком в волосах — точно, — лавочник указал на одного из них. — Зовут его Юй Минь, он лучший в классе И своей академии. Поговаривают, первое место на Юаньши — юаньяншоу — точно за ним будет!

Лавочник пояснил, что в академии три класса: Цзя — для тех, кто метит в чиновники, И — для сюцаев и лучших туншэнов, и Бин — для всех прочих. Тот факт, что Юй Минь, будучи лишь туншэном, возглавлял список класса И, где в основном учились сюцаи, говорил о его немалом таланте.

Цю Хуанянь вспомнил слова Ду Юньсэ о сяо сань юань и невольно улыбнулся, предвкушая, как подразнит своего ученого этой историей.

Но улыбка эта вышла ему боком.

Юй Минь, обладавший острым слухом, уловил обрывки их разговора. Он уже купался в лучах славы, и усмешка какого-то незнакомого гээр задела его за живое. Юноша резко обернулся и гневно уставился на Хуаняня.

Цю Хуанянь, не понимая причины такой ярости, лишь кротко улыбнулся в ответ.

Юй Минь уже был готов разразиться гневной тирадой, но, разглядев лицо незнакомца — чистое и прекрасное, словно сошедшее с картины, — он вдруг осекся. Гнев его угас, сменившись неловкостью.

Подождав, пока спутники окликнут его, он кашлянул и, стараясь выглядеть гордо, подошел к Хуаняню.

— Почтенный господин, чему вы смеялись? Неужто сомневаетесь в моей победе?

Хуанянь сразу понял, в чем дело. Он и не думал, что его тихий шепот будет услышан. Не желая ссориться, он мягко ответил:

— Список еще не вывешен, и до той поры каждый может надеяться на победу. С чего бы мне сомневаться в ваших способностях, господин Юй? Я лишь подумал, что префектура Сянпин богата талантами, и наверняка найдутся те, кто не уступит вам в одаренности. Эта мысль меня порадовала, вот я и улыбнулся.

Юй Минь остался недоволен ответом. В академии он не знал равных, а туншэнов из захолустья и вовсе за соперников не считал. Если бы не болезнь в прошлом году, он бы давно носил звание сюцяя.

Он хотел было возразить, но, взглянув еще раз на невозмутимое и прекрасное лицо гээр, лишь фыркнул, указывая на пресс-папье в руках Хуаняня.

— Эта вещица грубой работы, а дерево и гроша не стоит. Я бы такую и в печь не бросил. У вас такое лицо, а вкус столь низок... Вам стоит получше выбирать, на что смотреть! Через десять дней, когда вывешат списки, вы поймете, как глубоко ошибались!

Бросив эту нелепую тираду, Юй Минь гордо удалился. Хуанянь лишь пожал плечами и, обнаружив это пресс-папье, немедленно загорелся желанием и решил потратить огромную сумму в сто двадцать взней, чтобы купить его. Этим он несказанно обрадовал расстроенного лавочника.

Вернувшись во флигель, юноша решил: нужно всерьез подстегнуть Ду Юньсэ. Увидеть имя этого несносного и заносчивого мальчишки на первом месте — такого его вкус точно не вынесет!

Хуанянь вошел в дом, всё еще кипя от возмущения. Сев в кресло, он залпом выпил чашку холодного чая.

«Подумать только — какой-то незнакомец на улице смеет поучать меня!»

Юньсэ, услышав шум, отвлекся от книг и подошел к нему.

— Что случилось, Хуа-гээр? Неужто в городе кто обидел?

Хуанянь взглянул на своего безупречного спутника, и гнев его утих. Он покачал головой и протянул ему попку:

— Взгляни, как тебе?

Пресс-папье было сделано из простого корня кипариса. Мастер лишь снял кору и отполировал древесину, сохранив её причудливую форму. Сплетение тонких корешков после обработки стало напоминать очертания древней цитры, а на основании были вырезаны легкие облака — прямо как в имени Ду Юньсэ.

— Мне очень нравится, — мягко улыбнулся ученый, оценив скрытый смысл подарка.

Цю Хуанянь наконец просиял:

— Ну вот, теперь у всех есть подарки, никому не обидно.

Юньсэ почувствовал укол совести: он еще ничего не дарил своему Хуа-гээр. Но все деньги были у того в руках, так что придется проявить смекалку, чтобы устроить сюрприз.

Хуанянь отхлебнул чаю и рассказал о встрече в городе:

— Слышал ли ты о туншэне по имени Юй Минь?

Юньсэ на миг задумался:

— Вероятно, он из клана Юй.

— Это знатный род?

— Сянпин — северный край, знатных семей здесь немного, но клан Юй — один из них. В их роду был когда-то великий канцлер, и по сей день они имеют влияние и при дворе, и здесь, в провинции.

Цю Хуанянь окинул Юньсэ долгим взглядом. Тот смутился:

— Что ты так смотришь на меня?

— Да какой там знатный род... — Хуанянь хитро прищурился. — По мне, так никто с тобой не

сравнится.

Сказал — вкус плохой? Ну, он припомнит!

Юй Минь, конечно, был талантлив и богат, но его несдержанность и заносчивость выдавали в нем человека незрелого. То ли дело Ду Юньсэ, умеющий скрывать свою силу до нужного часа.

— Юньсэ, постарайся на экзамене, — напутствовал Хуанянь. — Не хочу я видеть этого гордеца на первой строчке.

Ученый, глядя на это милое проявление детского упрямства, лишь серьезно пообещал:

— Хорошо.

***

Минуло еще два дня, и на пороге возник праздник Дуанью. Чжэн Июань прислала им вина с реальгаром и ароматные мешочки с полынью. Её дочка, Жутан, бегала во дворе, звеня пятицветными нитями на запястьях и пиная матерчатый мячик.

Хуанянь слушал её смех через стену и лишь улыбался — девочка не мешала Юньсэ учиться. Он стоял у калитки и болтал со старой служанкой. Та рассказала, что на праздник в городе будет весело:

— Завтра пятое число пятого месяца. Коли хотите гонки драконьих лодок глянуть — ступайте к реке Ай. Сам префект праздник устраивает! Там и поэты состязаться будут, и сам глава академии Цинфэн приедет. Многие туншэны мечтают перед новым сюэчжэном отличиться.

Хуанянь оживился. В прошлой жизни он видел такое только на экране, а в этом мире развлечений было немного.

— Если хочешь, пойдем завтра вместе, — раздался за спиной голос Юньсэ.

Ученый вышел в сад в легком наряде цвета лунного света, и Цю Хуанянь залюбовался его статной фигурой.

— А как же учеба? Экзамен ведь через три дня.

— Я выучил всё, что должно. Теперь нужно лишь освежать память. К тому же, мне полезно будет взглянуть на других учеников Сянпина.

Наутро они облачились в новые наряды с вышивкой и отправились на улицу Юаньчжэн.

В префектуре было не протолкнуться. Нарядные девицы и гээр в шляпах с вуалью наполняли воздух ароматами и смехом. Небо было чистым, без единого облачка.

Они пришли пораньше и заняли отличное место на набережной — прямо напротив павильона, где должны были восседать префект и судьи.

В руках Ду Юньсэ нес корзинку с припасами: Хуанянь решил, что смотреть на гонки без перекуса — дело немыслимое.

Солнце поднялось выше, и по городу поплыли звуки барабанов и гонгов. Появились процессии с танцующими львами, дети восторженно хлопали в ладоши, и атмосфера праздника захватила всех.

В полдень префект объявил начало гонок. Десятки лодок, раскрашенных под драконов, рванулись вперед. Мужчины в ярких одеждах налегали на весла в такт барабанному бою.

Толпа взревела, и Хуанянь, поддавшись общему восторгу, тоже принялся подбадривать гребцов. Юньсэ одной рукой придерживал корзинку, а другой обнимал Хуаняня за плечи, оберегая от тесноты. Они стояли совсем близко, и в глазах Юньсэ светилась тихая радость.

Гонка была яростной. Лодки переворачивались под хохот толпы, а лидеры шли ноздря в ноздю. Когда гребцы скрылись из виду, Цю Хуанянь принялся угощать Юньсэ и соседей сладостями. От денег он отказывался — сегодня был праздник.

Узнав, что Юньсэ приехал на экзамены, один молодой человек в богатых одеждах воскликнул:

— Так что же вы здесь стоите, почтенный брат! Лодки — это для забавы, а настоящие таланты сейчас у павильона соберутся. За победу в стихах такие награды дают, что грех не попытаться счастья!

Ду Юньсэ сперва не хотел привлекать внимания, но когда услышал, что судить будет сам сюэчжэн, а награды выставили богатые дома города, он задумался. Это был шанс раздобыть подарок для Хуаняня.

— Идем, Юньсэ! Это же так красиво — поэтическое состязание! — Хуанянь потянул его за рукав.

— Откуда вам так подробно ведомо о наградах, господин Чжу? — любопытствовал юноша у их нового знакомца.

Тот лишь лукаво улыбнулся:

— Да потому, что среди подарков есть и те, что мой дом выставил. Идемте же, я вас проведу!

Они пробрались к павильону. На первом этаже были расставлены сотни столов с тушью и бумагой. Состязание вот-вот должно было начаться.

Чжу Цзинвэй — так звали их спутника — хотел было что-то добавить, но вдруг осекся. Хуанянь проследил за его взглядом и увидел строгого мужчину лет двадцати пяти.

— Цзинвэй, почему ты не дома за книгами, а здесь околачиваешься?

Младший Чжу вжал голову в плечи:

— Брат, учитель дал мне выходной... Я пришел на таланты поглядеть.

Старший брат, Чжу Цзинчэн, хотел было отчитать его, но заметил Юньсэ и Хуаняня.

— А это кто с тобой?

— Это туншэн Ду и его супруг. Ду — настоящий талант, я привел его на состязание! — затараторил Цзинвэй, пытаясь отвлечь брата от своей персоны.

Семья Чжу была одной из богатейших в префектуре. Чжу Цзинчэн с детства учился вести дела, а младшего, Цзинвэя, баловали. Хоть торговым людям путь в чиновники был заказан, в семье Чжу все дети были обучены грамоте и манерам.

Увидев благородную статью Ду Юньсэ, старший Чжу вежливо поклонился:

— Прошу простить моего брата за беспокойство. Ученые люди всегда желанные гости в нашем городе.

Младший Чжу, видя, что гроза миновала, снова заулыбался:

— Брат, ты ведь всё здесь знаешь, расскажи нам, как дело будет!